

lied” receives most of the analytical attention. Korbelt uses the song to exemplify the ambiguous position of Jews in this transition from empire to nation and the various layers of identity they could accrue. This is also reflected in Robert Blobaum’s discussion of Noah Prylucki as a “Jewish Nationalist or Polish Democrat,” who developed a vision of a democratic Poland shared between Poles and Jews. Andrew Kier Wise and Penny Messinger discuss American Marxists Anna and Boris Reinstein (“Anna and Boris Reinstein and the Socialist Response to World War I”), whose youth was marked by violent Russian populism that gave way to Marxism upon their immigration to the United States in 1892. The Reinsteins demonstrated the socialist alternative to the nationalist discourse and the liminal roles played by émigrés to the United States, and their connection to their homelands in times of political upheaval.

Tomasz Pudłocki’s chapter “‘Stranger in the Night’? A Canadian on the Czech-Polish Borderland During World War I: The Case of William John Rose” extends the transatlantic moment in the book by looking at the thought of a Canadian interned on the Polish-Czech border as a British subject. A member of the World Student Christian Federation, Rose’s work in Central Europe and his wartime experience made him a self-declared servant of the

Polish people, and he later made significant achievements in Polish studies. Kumru Toktamis’s chapter “Yashar Khanum: The Woman for Whom the War Never Ended” is an interesting study of the memoirs of a woman who weathered the Eastern Ottoman borderlands’ vicissitudes toward Iran, with much emphasis on Kurds (the memoirs themselves were written in Sorani Kurdish).

This survey of the volume’s contents reveals some of the weaknesses of the book. Neither “intellectuals” nor “Central Europe” seem well defined. In their capacity as designers of buildings and not as thinkers, are architects intellectuals? Does Yashar Khanum, whom Toktamis recognizes as a literate woman but not an intellectual, make the cut, even though she is not an intellectual and hardly Central European? Does Petkevičaitė’s work as a writer qualify her as an intellectual when one analyzes her work as a medical volunteer as documented in a diary? The resulting collage of portraits is interesting and instructive, though it often lacks cohesion. It is difficult to derive a clear conclusion from many of the chapters, some of which are stronger than others (as is typical of this genre). Perhaps a more interventionist editorial position could have added collective insights that would make this book worth more than the sum of its parts. Some of the chapters would have benefited

from more intense editing, not least on the linguistic level, to maximize their analytical and scholarly contribution.

These criticisms notwithstanding, Tomasz Pudłocki and Kamil Ruzsala have organized the production of a solid contribution to our understanding of World War I in the former Habsburg and Russian Empires. I hope this volume will serve as an impetus for scholars to rethink the historiography of World War I in the region so that the insights that can be gleaned from the contributions to this volume will crystallize into a new big picture. Above all, then, this volume is a testament to the innovative work being undertaken by scholars of Central Europe and in Central Europe, which has much potential to overturn what is now common historiographical wisdom.

Никита ТИНУС

Петр Рябов. Краткий очерк истории русского анархизма. От Феодосия Косого до Алексея Борового. Москва: Common Place, 2020. 384 с. Краткая библиография. ISBN: 978-999999-1-13-1.*

Рецензируемая книга вышла осенью 2020 г. в результате большого краудфандингового проекта издательства “Common place”, пополнив корпус исследований отечественного анархизма. Петр Рябов – историк и философ, специализирующийся на изучении анархистских идей и движений, опубликовавший немало текстов на эту тему. Он успешно совмещает академическую работу (с 1996 г. преподает на кафедре философии МПГУ) с общественно-политическим активизмом, и это обстоятельство неизбежно сказывается на характере его трудов. Рябов принадлежит к поколению российских анархистов, убеждения которых сформировались в годы перестройки и нашли свое отражение как в практической деятельности,¹ так и в области теоретической рефлексии над судьбой анархизма в прошлом. Ре-

* Рецензия выполнена в рамках работы по гранту Российского научного фонда (проект № 19–18-00100).

¹ В этой связи можно упомянуть деятельность Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС), а также организацию ежегодной конференции, посвященной проблемам анархизма “Прямухинские чтения”.

цензуруемая монография является примером такой рефлексии, или, точнее сказать, историко-интеллектуальной реконструкции.

Книга состоит из введения и десяти глав и посвящена истории анархизма в России в длительной перспективе. Первая глава обсуждает “протоанархизм”, по мнению автора, уходящий корнями еще в Русское царство. Остальные девять поэтапно анализируют собственно анархическое движение с середины XIX века до 1930-х годов.

В первой главе, “Истоки и предшественники”, автор идентифицирует различные формы “народного стихийного анархизма” и идеи некоторых русских вольнодумцев, предвосхитивших либертарные учения XIX столетия. Рябов утверждает, что государственная власть в России всегда имела “иноземные” черты. Сначала она была выстроена по ордынской модели “азиатского деспотизма”, потом по лекалам Византийской империи, а еще позже “по шведскому образцу”. Поэтому власть зачастую воспринималась населением как внешняя и враждебная сила. Рябов диагностирует раздвоение между приоритетами имперского экспансивного государства и ценностями традиционного общинного уклада, среди которых он уделяет особое внимание институтам самоуправления казачества и “общинного социализма” (вече, “помочь” и

др.) и некоторым протоанархическим религиозным течениям (штундисты, молокане, бегуны, духоборы). Согласно гипотезе автора, анархическое мировоззрение издавна формировалось в тесной связи с вопросами религии, как реакция на патологию бюрократизированной церкви. Симбиоз церкви с мирскими властями стал причиной образования многочисленных антигосударственных религиозных сект, реанимирующих ценности раннего христианства – ненасилия, нестяжания и космополитизма. Рябов прочерчивает довольно ясную линию преемственности между вольнодумцем Феодосием Косым (XVI в.), “бегуном” Евфимием (XVIII в.), ранними славянофилами и Львом Толстым, углубляя тем самым генеалогию русского анархизма.

Автор последовательно подчеркивает органическое, естественное происхождение анархистского движения в России. Во второй главе Рябов утверждает идейное тождество анархизма и народничества 1860–1870-х годов, настаивая, впрочем, на чужеродности этому феномену круга Петра Ткачева и Сергея Нечаева как “бланкистских” предвестников большевизма. Сущностное совпадение анархизма и народничества объясняется Рябовым как результат удачного синтеза “прогрессистски-модернистских

и традиционалистски-общинных ценностей” (С.). Внимание интеллигенции, особенно эмигрантской, к крестьянству и общине стало следствием редкой ситуации созвучия российских и западноевропейских интеллектуальных тенденций. В частности, идеи Фурье и Прудона нашли в России благодатную почву и получили широкую популярность. В главе предстает впечатляющая панорама имен и народнических организаций, свидетельствующая о существовании широкого консенсуса о необходимости социальной революции и демонтажа центральных государственных институтов. Рябов убеждает читателя в том, что дискуссии третьей четверти XIX века велись в основном вокруг вопросов, касающихся тактики и методов реализации общих целей. Как нетрудно заметить, тезис автора направлен против хрестоматийного деления политических течений, в рамках которого анархизм трактуется не как основа, а лишь как одно из многочисленных ответвлений народничества. Насколько трактовка Рябова исторически обоснована – отдельный сложный вопрос, но сформулирована она вполне убедительно.

Следующие три главы содержат детальные портреты “апостолов” анархизма – Михаила Бакунина, Петра Кропоткина и

Льва Толстого. Литературно яркие и при этом вполне документальные, они могут представлять для читателя двойной интерес. С одной стороны, это талантливые и точные жизнеописания известных исторических фигур, а с другой – свидетельство, раскрывающее отношение современного русского анархиста к своим идейным истокам. Склонный к экзистенциалистскому мировосприятию и стилю письма Рябов совершенно иначе расставляет акценты в описании классиков анархизма, чем это сделал бы профессиональный западный историк. К примеру, Рябов противопоставляет Кропоткина Бакунину по аналогии с оппозицией Аполлона и Диониса. Сам автор идентифицируется в большей степени с Бакуниным и периодически срывается на страстную проповедь бакунинского “бунта жизни против науки”. Рябов также подчеркивает, что радикальное понимание свободы, предложенное русским бунтовщиком, оказало беспрецедентное влияние на западную философию от Беньямина до Камю.

Глава, посвященная “дедушке русской революции” Кропоткину, написана в более сдержанном тоне и не обходится без критики его научного оптимизма. Более того, ссылаясь на немецкого хрониста анархизма Макса Неттлау, автор приходит к заключению, что го-

сподство авторитета Кропоткина и его учения, опирающегося на наукообразный натурализм, с конца XIX в. начало вызывать определенную стагнацию и даже регресс анархической мысли. Этот вывод противоречит наблюдениям современных западных исследователей о том, что эволюционный холизм Кропоткина оказал в дальнейшем прямое влияние на передовые подходы в различных областях знания, от социальной теории и антропологии до нейробиологии и экологии.² Впрочем, обсуждение отложенного эффекта учения Кропоткина не входит в замысел книги Рябова, и его вряд ли можно упрекать в игнорировании этой темы.

Следующие главы последовательно анализируют пути развития анархистского движения на фоне основных событий российской истории последней четверти XIX – первой четверти XX века. Развитие отечественного анархизма, полагает Рябов, отличалось дискретным и волнообразным характером. За периодом расцвета анархистской мысли, ее радикализацией и ростом политических ожиданий обычно следовала реакция и усиление государственного контроля. Первая анархистская волна поднялась вместе с народничеством. Она была связана с крупнейшими именами и глав-

ными идеями, но к 1880-м годам разбилась о консервативно-охранительную политику и контрреформы правительства. Этому этапу упадка 1881–1905 гг. посвящена шестая глава, уделяющая особое внимание роли эмиграции. Для большинства анархистов, традиционно игнорировавших национальные границы, это был единственный способ продолжить политическую и интеллектуальную работу в широком контексте общемирового движения. Основным сюжетом, интересующим Рябова на этом историческом промежутке, является жесткая полемика анархистов с набирающим обороты марксизмом, уже захваченным, по его мнению, процессом вульгаризации. Автор специально останавливается на антимарксистских тезисах эмигранта-анархиста В. Черкезова, анализируя разные аспекты его критики: философские (позитивистское отрицание диалектики), тактические (отношение к идее захвата государства, “диктатуры пролетариата”, централизма и т. п.), а также личностные (обвинения оппонентов в плагиате и интриганстве).

Вторая и третья волны анархизма совпадают с двумя революциями начала века, или точнее, как пишет Рябов, ссылаясь на Т. Шанина, с развитием “единого

тектонического революционного процесса” 1902–1922 гг. В седьмой главе подробно описывается вторая волна, датируемая автором 1903–1917 гг., ее география и социальный портрет ее участников. Второе поколение анархистов испытало на себе сильное влияние марксизма, несмотря на продолжение острой полемики с ним. Это влияние не было равномерным: автор скрупулезно анализирует установки, тактические и идеологические отличия разнообразных анархистских течений и групп, от “хлебовольцев” и синдикалистов до экзотических “мистических анархистов”, а также их роль в событиях 1905–1907 гг. В результате у читателя возникает объемное представление о левом радикализме в этот насыщенный период. Автор не скрывает своего пристрастного отношения к анархизму, однако не затушевывает и мрачные стороны анархистского движения, такие как практика рассылки рэкетирских “мандатов”, безмотивные экспроприации и террор. Эти явления, по мнению Рябова, стали одной из причин наступившего в 1907–1908 гг. поражения революционного движения, повлекшего за собой очередной виток эмиграции и репрессий.

Восьмая глава несколько выбивается из общего строя монографии: она посвящена влиянию анархизма на культуру в конце

XIX – первой трети XX века. Содержание этой главы сводится к обзору рецепции идей анархизма в искусстве и литературе, формированию новых течений, которые изменили культурный ландшафт, как европейский (от Уильяма Морриса до Ярослава Гашека и от Камиля Писсарро до Поля Синьяка), так и российский (от Александра Блока до Михаила Волошина и от Николая Ге до Казимира Малевича). Однако эта тема остается все еще малоизученной, и сам автор видит свою задачу в том, чтобы наметить хотя бы ее контуры (С. 237).

В завершающих главах обсуждается “постклассический” этап русской анархистской мысли (глава 9) и последняя, третья волна движения в период революции 1917–1921 годов (глава 10). Автор оспаривает распространенное представление о том, что после столпов анархизма девятнадцатого столетия ничего выдающегося в теоретическом плане это течение не породило. Анархисты постклассического или, как уточняет Рябов, “пост-кропоткинское” периода на пороге “короткого XX века” переосмысливают традицию и порывают с рационализмом, сциентизмом и прогрессизмом. Автор отмечает произошедшую эпистемологическую и аксиологическую трансформацию анархизма: разворот под лозунгом “назад

² Подробнее об этом см.: Brian Morris. Kropotkin: The Politics of Community. Oakland, 2018; Lifelines: Biology Beyond Determinism. New York, 1998.

к Бакунину!” от систематичного, наукообразного способа мышления – к философии жизни, Штирнеру, Бергсону, Сорелю и даже Достоевскому. Новое поколение анархистов возвращается к проблематике личности, бытия, интуиции, предвосхищая экзистенциалистскую линию европейской философии. Основное внимание в этом контексте уделяется взглядам Алексея Борового – фигуре, давно интересующей Рябова, которой он посвятил диссертационное исследование и многочисленные публикации. В каждой из них Рябов пытался вписать Борового в канон мировой анархистской мысли, поскольку наследие Борового в наибольшей степени отражает ревизию идей классического анархизма в экзистенциальной оптике.

Главу о революции 1917 года Рябов начинает с критики штампов советского исторического канона тридцатилетней давности, предлагая раз и навсегда расторгнуть революцию и большевизм. Он настаивает, что Ленин, большевики и СССР – “тотальная и абсолютная контрреволюция ... под риторикой и фразеологией Революции” (С. 340). События 1917–1922 гг. представлены автором как процесс апроприации и сворачивания первоначального революционного импульса. Исследователь предпочитает различать мощные стихийные “анархические тен-

денции” в обществе и собственно анархистское движение, в силу ряда причин не сумевшее стать одной из ведущих общественных сил. Отношение к политике большевиков вызвало раскол, нарастающий по мере свертывания советским режимом октябрьских обещаний. Этот раскол привел к еще большей дифференциации и без того гетерогенного движения, к полномасштабным репрессиям в отношении разных категорий анархистов. Сначала преследованиям властей подверглись враждебно настроенные “уголовники” и “агенты мелкой буржуазии”, а потом и более лояльные группы. Были подавлены и формы стихийного анархизма – крестьянские движения (махновское, антоновское, Западно-Сибирское), дезертирство, протесты рабочих Москвы и Петрограда и, наконец, Кронштадтское восстание. Некоторая часть анархистов эмигрировала, оплодотворяя своими идеями западную мысль, рассуждая о фатальности “партикуляризма” и делясь своим опытом того, как, по словам Кропоткина, “не надо делать революцию”.

В целом, рецензируемая книга не содержит принципиально новых гипотез и не открывает новых источников, но является очень скрупулезным и компетентным исследованием имеющегося материала. Умение автора просто

формулировать сложнейшие вопросы свидетельствует о глубоком знании темы. Кроме того, книга написана на редкость живым языком человека, погруженного в проблему не только “по работе”, но и в силу личного отношения. Поэтому книга Рябова может стать прекрасным введением в историю русского анархизма.

Недостатки монографии вытекают из ее достоинств: в частности, абзацы плотного аргументированного анализа перемежаются с рассуждениями, напоминающими проповедь. Петр Рябов – профессиональный историк уживается в одном тексте с Петром Рябовым – пламенным анархистом, то и дело впадающим в экзальтацию. Впрочем, автор предупреждает читателя об этой особенности своего письма еще во введении: “анархизмом нельзя ‘заниматься’; можно быть анархистом, исповедовать и проповедовать анархизм, активно способствуя всему тому, что пробуждает в людях человеческое достоинство...” (С. 10). Этот недостаток, или, по крайней мере, особенность книги ни в коей мере не умаляет ее исследовательской и дидактической ценности. Работа предлагает взглянуть на историю и проблематику русского анархизма с внутренней перспективы включенного наблюдателя, и этот взгляд, безусловно, заслуживает внимания.

Людмила КЛИМОВИЧ

Мишель Федоров. Между короной и наковальней: Жизнь и судьба царского министра М. М. Федорова: 1858–1949 / Пер. с фр. Н. В. Ликвинцевой. Москва: Русский путь, 2019. 240 с., ил. Библиография. ISBN: 978-5-85887-511-6.

Рецензируемая книга французского ядерного химика Мишеля Федорова (*Michel Fédoroff*) посвящена жизни и общественно-политической деятельности его деда Михаила Михайловича Федорова. Несмотря на обилие биографических работ, посвященных известным деятелям Зарубежной России, персону Михаила Федорова остается малоизученной. Автор книги – его внук, доктор наук, бывший профессор Национального института химической инженерии в Париже; “помимо науки, его всегда интересовали история и культура России, он свободно владеет русским языком, является членом Союза русских дворян во Франции” (С. 5). Опираясь на воспоминания современников, переписку и выступления М. М. Федорова, автор создает многогранный портрет своего предка как общественно-го деятеля, вписывая его судьбу в исторические события конца XIX – первой половины XX века.